

АНДРЕЙ ЛЕВКИН

Либерализм без либералов

О. Временный смысл слова. Либерализм как таковой, то есть без дополнения его социальностью, еще возможно формализовать, исключив из его определения время; не учитывая социальную конфигурацию в конкретной стране. Таких определений много, но, поскольку в данном случае речь будет касаться не теории, а возможности реализации термина в определенном окружении, лучше взять такое, в котором все объясняется на птичьем языке. Просто для фактуры. Например, Б. Кроче: *«Либеральная концепция — метаполитическая, выходящая за рамки формальной теории политики, а также в определенном смысле этики и совпадающая с общим пониманием мира и действительности. Это система воззрений и концепций в отношении окружающего мира, тип сознания и политико-идеологических ориентаций и установок, который не всегда ассоциируется с конкретными политическими партиями или политическим курсом. Это одновременно теория, доктрина, программа и политическая практика»* (Кроче Б. Антология сочинений по философии — М., 1999).

Тут видно, что раз уж все одновременно и вместе, то в каждом отдельном случае термин будет означать что угодно иное. Тем более, не просто на конкретной территории, но еще и в конкретное и совсем не историческое время. Речь, разумеется, о некоторой точке перегиба — в которой, судя по всему, находится политическое развитие РФ. В таких точках привычные термины приобретают сугубо ситуационное значение и смысл. Что толку говорить об исторических перспективах термина или же предмета, если в данный момент он определен весьма смутно, отчего в дальнейшем может означать уже совершенно неведь что. Именно потому, что не вполне определено ни само место действия, ни параметры, которыми этот термин должен управлять.

Технологически либерализм можно рассматривать как один из возможных паттернов государственного и общественного устройства, внутренне не противоречивый и не противоречащий устройству жизни: по крайней мере, имеющий с нею ненулевое пересечение. Такой шаблон как-то проецируется на действительность, тогда он либо в силах что-то перестраивать в рамках имеющихся там структур и отношений, либо существует просто идеальной структурой, прозрачно окрашивающей происходящее.

Самым минимальным образом либерализм это собственность + права гражданина. Эта идея может быть сколь угодно вечной и недостижимой, но социал-либерализм – то есть, по определению учитывающий социальные последствия и социальные отношения в рамках либеральной модели – уже по определению не может быть чем-то умоглядным. Социальная среда не является умоглядной абстракцией.

В социал-либеральном варианте относительно либерализма меняется многое. В любом случае он не является никаким компромиссом между социализмом и капитализмом, способствуя тем самым общественной гармонии. Просто он состоит из частей разной природы.

Либерализм – рыночная экономика, права собственника. В целом весьма похоже на дистрибутив операционной системы, не вполне протестированной. «Социальный» л. – установка этой операционки в социальной среде: весьма нечеткой, размытой, ценностные ориентиры, состав и интенции которой невыяснены. Если сюда добавить еще и принципиальную непрозрачность власти (вплоть до отсутствия ее высказываний практически по всем поводам – то есть, о части реакций компьютера и вовсе не узнаешь), то видно, что топорность данного уподобления соответствует ситуации.

Социальность либерализма в таком случае состоит не в создании каких-то user-friendly обстоятельств для жителей государства, но в обеспечении таких отношений в рамках действия либеральной модели, с тем чтобы эта модель не отторгалась социумом. Такой подход конструктивнее, чем предположения, что социальность состоит в том, чтобы отнестись со вниманием к проблемам всех и каждого, пока они не привыкнут полностью оплачивать коммунальные услуги. В подобном «адаптационном» подходе присутствует явная неврастения – либерал, значит, на самом деле не уверен в том, что либеральная модель действительно будет работать и, тем самым, позволит людям не умереть с голоду и даже обустроить жизнь.

В этой связи привычно выставляется требование «равных стартовых возможностей для выявления и раскрытия талантов». Практически же «осуществление соответствующих программ в сферах образования, здравоохранения, социального обеспечения» и означает технологические действия для того, чтобы либеральная модель не была отвергнута обществом. Очевидно, либеральное государство признающее свободу граждан, но не берущее на себя обязанности гарантировать им жизнь, в этом смысле не слишком технологично.

То есть социальный либерализм может рассматриваться как технологическая процедура внедрения либерализма в социум. Речь о рамках восприятия термина.

1. Генезис. По крайней мере, в условиях РФ (имея в виду под этими условиями фактически 20 лет переходного периода от тотального государства) либерализм явно вторичен относительно инерционных правил взаимодействия. Собственно, и многочисленные определения термина, не привязанные к российской ситуации, говорят о том же: «*Либерализм – (от латинского слова liberalis – свободный) по прямому смыслу – свободомыслие, вольнодумство; – это политическая идеология, обосновывающая процесс обособления и становления самостоятельного ин-*

дивида, ставящая в центр внимания защиту его естественных прав и свобод от вмешательства властей» (Мухаев Р.Т. Политология – М., 2001, с. 290).

То есть, либерализм определяет себя от противоположного: от доминирования власти. Откуда логически следует, что ему следует быть реалистичным и прагматичным. Он – методика, а не идеология, даже без приставки «социальный» – приставка по сути обеспечивает пиар проекта. Приведенные выше определения требуют быть реальными всякий раз, а вовсе не существовать в виде идеологического лозунга (как Джефферсон: «цена свободы – постоянная бдительность»).

Поскольку чистого поля для установки такой системы нет, мало того – любое ее внедрение сопровождается в целом массовым неудовольствием, как любое нарушение даже прискорбной стабильности, – получается, что любая либеральная позиция внедряется вовсе не в дружелюбной среде. Это, конечно, позитивно: значит, продвижение либерализма требует не развития теоретических основ системы и не умозрительных диспутов, но – действий в реальном времени, при сопротивлении, а тут себя не обманешь. Собственно, сопротивление и является доказательством реальности происходящего. Такой подход предполагает очевидное главенство технологичности (если, конечно, не предполагается, что итогом теоретических усилий станет обнаружение волшебного слова, произнесение коего сделает тут же либеральным все подряд).

В чем и состояла проблема первых либералов: очевидно, в тот период могли быть только декларации и шоковая терапия, которую затруднительно было объявить новой либеральной реальностью. Но шок прошел, либерализм сделался реальностью, но – фактически не замечаемой. Не было сочинено какой-нибудь звуковой отбивки, джингла: «внимание, вы имеете дело с очередной реализацией либеральных ценностей» – и человек, скажем, уже может купить мобильник без регистрации в каких-то Органах. Вообще же, хотя бы по доле частного бизнеса, не говоря уже о потребительских радостях – либерализмом покрыта более, чем половина всех транзакций в РФ. А если учесть и образование, медицину, да и что угодно серого цвета? Так бы тут и звенело постоянно: все бы понимали, где живут, шага не ступишь без либерального действия.

Такая фиксация ситуации являлась бы не только пиаром, но представлением либерализма в социальной среде. То есть, фактически искомым социаль-либеральным делом в отличие от дела либерального *per se*. Есть в РФ либерализм, но остается почему-то не замеченным. Не воспринимается таковым.

Конечно, не следует рассматривать историю либерализма *ab ovo* и во всех сторонах и аспектах: эта история происходит наяву, а не в теории. Зачем развивать его как теорию? Чтобы лишний раз убедиться в том, что к реальности она не имеет отношения? Разумно думать лишь о небольшом локально ограниченном времени и о весьма небольшом количестве противостояний, в итоге которых либеральный подход либо продолжит столь же незаметно распространяться, либо столь же незаметно начнет сходить на нет. Ватерлоо тут не предусмотрено, хотя что, собственно, изменило Ватерлоо?

2. Субъектность. Исходя из тех же технологических соображений, либералом следует считать человека, который находится в рыночной среде, может там выжить и, возможно, иногда получает от этого процесса удовольствие. Но

это вовсе не человек, способный внести свой творческий вклад в дело всестороннего осмысления и развития данного понятия, а также не гражданин, склонный время от времени вскрикивать: «Как хорошо быть либералом!».

Иначе будет просто путаница. Еще в 1994 году, после известной победы г-на Жириновского на думских выборах, Б.Г. Капустин, И.М. Клямкин в статье «Либеральные ценности в сознании россиян» (Журнал «Полис», №1, 1994) отметили: «*Более того, даже если речь идет о частном собственнике, это само по себе никоим образом не означает, что перед нами носитель современного либерального мировоззрения. Собственник, сознание которого враждебно или хотя бы безразлично к идеям политической и нравственной свободы и достоинства личности – не в большей степени либерал, чем представитель любой другой группы, выделенной по чисто экономическому признаку.*».

Тогда получается, что либерализм есть, а либералов нет. Либеральным мировоззрением оказывается нечто сияющее, но недостижимое для всех, не обладающих определенным мировоззрением. Структура бытового либерала, то есть того, кто будет получать свое частное удовольствие от выживания в либеральном государстве, оказывается уже совершенно непонятной. А есть подозрение, что вышеупомянутый собственник его имеет. Но, как сообщается, по настоящему либералом может быть только теоретически осведомленное лицо, получающее удовольствие от самой идеи либерализма. Но у него уже есть идея...

Это в тоталитарных вариантах гражданин должен быть предан всей душой, телом и прочим имуществом режиму и его идеологии. По крайней мере, это декларировать и, в любом случае, полностью идентифицировать себя с режимом и принятым стилем жизни. Откуда возникает определенный парадокс: социальный либерализм (социальный – как действующий реально) есть такая форма идеологии, которая не может навязывать себя гражданам идеологически. Она должна предоставлять человеку «политическую и нравственную свободу» не думать о данных свободах. Иначе – не технологично.

В сущности, это вопрос о появлении в индивидууме той его части, которая будет участвовать в общественных процессах. Либеральная доктрина не может являться идеей обустройства отдельной личности – она по определению не является религиозной, и она даже не является госстроительной, поскольку требования, предъявляемые к государству, состоят именно в том, чтобы оно умерило свою тягу к управлению.

То есть: идея а) не может исходить из духовных запросов личности; б) не может поддерживаться государством, считающим, что без него жизнь в стране невозможна, и что долг каждого – работать на него. То есть – это просто баланс между амбициями.

Вопрос, собственно, и состоит в образовании правил игры, то есть схемы отношений индивидуума и государства, которые не будут требовать от физлица чего-то сверх того, что он готов поделить с государством. В сущности, что может быть естественнее желания частного лица послать и власть, и государство, и политиков? Частное лицо всегда вполне сам себе либерал. Очевидно, любое образование таких правил (даже существующих на правах понятий, даже коррупция – по факту она подсаживает власть на рыночные отношения) уже является конкретным социальным либерализмом. Очевид-

но, такие правила возникают в рабочем порядке, то есть — на основании прецедента (все тот же Джефферсон с его ценой свободы).

Кроме того, если либерализм — рынок и т.п. свободная воля — действительно обладает собственной энергетикой, то в этой схеме делать что-то специальное избыточно: имеется же в виду не идейно-дотационная отрасль, как коммунизм. С этой стороны можно быть спокойным. Даже в обществе все достаточно просто: стерпится — слюбится, куда ж денешься. Если, конечно, либеральная модель действительно эффективнее иных.

Безусловно, для РФ проблема традиционно состоит в крайней неразвитости понятия прайвэси. Речь-то идет об обществе закона, а не об обществе справедливости — которая требует от гражданина участия всеми его потрохами в каждом частном случае. Лозунг «Всею душой, сердцем и прочим — вперед, к победе либерализма!» противоречит логике. Но привычки разделять себя на человека и гражданина нет, да и правоприменительная практика этому не способствует. Хотя и тут налицо прогресс: судебная процедура уже не отправляет человека напрямик в маргиналы. Общество уже сообразительное, правила этой игры оно понимает.

Отсюда же, в общем, следует, что любой не либеральный политико-экономический процесс предполагает игру с нулевой суммой, даже не предполагая, что взаимодействие может быть выгодным обеим сторонам. Разумеется, в таких обстоятельствах сторонам не остается ничего иного, как стремиться ущемить друг друга.

3. Реальность: типы сознания. «Новая газета» в июле 2004-го провела мероприятие под названием: «Дискуссия по либерализму в России», предлагая выбор: «Какая позиция вам ближе»:

- Дело не в либерализме, а в кризисе российской государственности.
- Либералы от патриотов в нашей стране в последние годы отличались, как Пиночет от Стальпина.
- Один из популярных политических мифов сегодня – борьба либералов и силовиков в окружении Путина. Нет там никакой борьбы!
- Наиболее актуальная проблема России – это не экономический либерализм, а политический.
- Когда пишут статьи о кризисе либерализма, это вызывает недоумение. Невозможно иметь кризис того, чего нет.
- Сегодня у либеральной демократии сетовать на то, что широкие массы их отвергли, нет оснований.
- Путин, увы, либеральнее 70 процентов своих избирателей.
- Сегодня мы ясно видим капитуляцию либералов. И это не только вина либералов, но и их беда.
- Россия движется в сторону «демократического тоталитаризма».

Понятно, что ситуация складывается противоречивая, что не так уж страшно, но — уж слишком неполная: обсуждаются проблемы восприятия, да и то — не слишком широкого сектора. Учтем при этом, что «Новая газета» явно стремилась в своей дискуссии охватить все, что возможно. Таков, значит, спектр социального восприятия.

Для полноты медийного охвата, чтобы учесть и теоретические мысли, цитата из рецензии Вячеслава Вольнова на книгу Дэвида Боуза «Либертарианство: История, принципы, политика» (Челябинск: Социум, Sato Institute, 2004). Рецензия, «Еще раз о минимальном государстве», опубликована в РЖ 29 июля 2004 года:

Что касается «естественности» какого-либо права, то можно ограничиться замечанием, что всякое право неестественно – в том строгом смысле слова, что в природе никаких прав нет и не может быть. В природе есть силы, действия и противодействия, но только не права. Право – понятие социальное, имеет место в обществе и только в обществе и всегда подразумевает признание со стороны других людей. Нельзя обладать правом, если никто из людей не признает за тобой это право. И наоборот, стоит хоть одному человеку признать за другим какое-либо право, как тут же второй станет его обладателем, хотя, разумеется, – лишь по отношению к первому. Иными словами, право всегда относительно, и право по отношению к одному может оказаться неправом по отношению к другому. Но в любом случае все права человека неестественны и ни из какой «природы человека» не выводимы.

Так что положение либеральной идеи в государстве очень странное. Судя по рецензии, мысли о ней находятся на уровне разработки теоретических основ создания велосипеда, причем теоретик доказывает, что эта штука ездить не сможет никогда. А публикация «Новой газеты» имеет в виду уже явно некоторые неудачные последствия эксплуатации данного объекта.

Такие сравнения и, вообще, любые цитирования тут вполне уместны: сами эти публикации находятся внутри либерального поля, осуществляя его наглядную социализацию.

Столь же понятно, что заниматься классификацией составляющих либерализма – дело, конечно, высокохудожественное, но уж слишком. Существуют, разумеется, многочисленные очерки социологического характера. Например, «Будущее русского либерализма: люди и идеи» с подзаголовком «Коллективный портрет современного демократа» – Сергей Майоров, РЖ, 16 июля 2004 года:

В первую очередь необходимо понять, кто есть те люди, для которых идеи свободы, большой самостоятельности от государства, конкурентной экономики являются приоритетными и основополагающими, и каково их количество.

Исследований, посвященных «замерам» различных целевых групп, проводится огромное количество. До настоящего времени основные работы были связаны с замерами количества людей, готовых проголосовать за ту или иную партию или лозунг (узнаваемый и взятый из программ партий). Реже проводились исследования, нацеленные на выявление ценностных ориентиров тех или иных политических сообществ, групп сторонников партий и т.п...Как же выглядит коллективный портрет либерального избирателя?

Получается, что либерализм является веществом, выделяемым исключительно политическими субъектами, при этом – партиями. Тут вот что интересно: проблемы партий, не попавших в Думу, обсуждали с точки зрения не представленности либерализма с декабря 2003 года, но и через полгода обсуждаются по-прежнему. Сам характер исследования сообщает о нем самом – и о подходе, который, по-видимому, остается подразумеваемым. А именно:

отождествление либералов с теми, кто голосует за политические субъекты, объявляющие себя либеральными.

Соответственно и дальнейшая логика: «Сколько их?». Ответ: «Вопрос этот не такой простой, как кажется. Если рассматривать группу, принимающую участие в выборах, то в ней число сторонников либеральных идей и партий около 11%. Эта цифра фиксировалась на протяжении нескольких лет в моменты, когда общество находилось в свободном от “активной промывки мозгов” состоянии».

В чем наличествует парадокс. Если бы в самом деле только 11 процентов могло жить в экономически либеральном обществе, то этого общества бы уже не было. Это что касается необходимости лично идентифицироваться с идеями свободы.

Мало того, там же сообщается: «Когда речь заходит о ценностных ориентирах и идеях людей, относящих себя к либеральному электорату, то возникает больше вопросов, нежели ответов. Парадокс заключается в том, что около половины из тех, кто относит себя к либеральной идее, не знает программных целей и задач соответствующих партий».

Кроме этого, в различных исследованиях выявляется ряд занятных фактов – только 27% относящих себя к тому, что недавно называлось “правым”, считают себя либералами и демократами одновременно, при этом порядка 50% относят себя к нелибералам или недемократам; из группы, определенной как “новые правые”, около трети считают, что “ради порядка в стране можно пожертвовать некоторыми правами граждан”; около 40% отрицательно относятся к либерализму и свободному предпринимательству (*sic!*). И это далеко не полный перечень таких несовпадений».

Но при этом – живут в либеральной среде... Снова все тот же парадокс – либерализм может существовать, но – не считаться таковым. То есть, получается, что борьба идет конкретно за то, чтобы положение дел соответствовало представлениям участников. Случай отчасти похож на случай г-на Журдена, который не знал, что выражается прозой. Должны ли люди для жизни в либеральном обществе быть специально подготовлены идеологически? Надо ли младших школьников организовывать в «либертят»?

Коль скоро речь зашла о выборах, то известным пунктом «разборки полетов» являлось утверждение, что российское общество разочаровалось в либеральных ценностях (свобода человека, свобода предпринимательства, рыночная экономика, в минимальной степени регулируемая государством, свободная пресса, демократия, ответственность человека перед обществом и др.). Конечно, потому что в Думу не прошли «Яблоко» и СПС.

Если речь идет действительно о разочаровании в либеральных ценностях, а не в разочаровании в представителях данных партий, то это означает, что люди не вполне поняли, что эти либеральные ценности не являются даром небес или государства. Но это вовсе не говорит об инфантильности общества, оно в этих ценностях все же худо-бедно существует, а об особенностях восприятия. Получается, что это разные вещи – либерализм и его восприятие вместе со всеми ожиданиями, амбициями и т.п. Второе – реально составляет «социальное измерение» либерализма.

В любом случае, оттенок разочарования присутствует, откуда следует, что первичным оказывается восприятие. Это нехорошо, любые ожидания всег-

да окажутся тщетными, а реальная проблема либерализма и свобод находится в другом месте — в экономическом.

Очевидно, социальный либерализм должен стараться, чтобы развеять ощущение лузерства: причем, фиктивного лузерства. Или наоборот — создать комфортную оболочку. Это территория его деятельности — иметь дело не с реальностью, а с представлениями об оной.

Как писано в рецензии, упомянутой в начале главки: *«Оттого и мучаются либертарианцы на протяжении всего XX века, что никак не могут признать правоту социализма в том, что свободное общество (в либертарианском его понимании) несправедливо. Конечно, верно, что без свободы сама справедливость оказывается под вопросом, но мы никогда не поймем причину либерального упадка, если вслед за либертарианцами ограничим свое мышление дихотомией свободы и власти. Не леность либералов и одержимость властолюбцев положили конец “либеральному миру”, а желание или даже жажда справедливости».*

Кто-то хочет, чтобы ему сделали красиво, кто-то — чтобы справедливо. Но это уже другие проекты, вовсе не либеральные. Они требуют совсем других дискуссий: о том, является ли задачей государственной структуры делать всем «справедливо», а также — возможно ли это сделать и какова будет эффективность таких действий.

Хотя, конечно, не очень понятно, кто именно мучается и о каком конце «либерального мира» идет речь? Евросоюз создает госплан?

4. Проблемы власти. В сумме получается, что речь идет о некоторой субстанции, обладающей решительно различными атрибутами. Она действует в оболочке некоторых ограничений, источник которых — власть, государство. Вернемся к минимализму: рынок + собственность + права (не уточняя, а чисто пунктом). Рыночная система считается эффективнее по части хозяйствования, собственность — это собственность, ну, а права — вещь субъективная и социальная.

Если говорить о личности и ее желаниях, то неминуема философия на тему «в деньгах ли счастье» и т.п. Лучше уж заниматься эффективностью экономической. Чьей? Частного собственника? Но это дело личное, так что вопрос может быть об эффективности государства. Что такое эффективность государства в либеральных обстоятельствах? Очевидно, она весьма отличается от эффективности бизнесов, работающих в нем. Кто должен предъявить государству меру эффективности и, соответственно, методику ее определения?

Еще раз: *«Либерализм – (от латинского слова liberalis – свободный) по прямому смыслу – свободомыслие, вольнодумство; – это политическая идеология, обосновывающая процесс обособления и становления самостоятельного индивида, ставящая в центр внимания защиту его естественных прав и свобод от вмешательства властей».*

По определению либерализм противостоит власти. Не так, чтобы насмерть, он с ней толкается, пытаясь власть уменьшить. Как в этой ситуации вести себя власти?

По жизни, исходя из того, что увеличение доли либерализма улучшит положение дел, требуется вносить постоянные поправки в правила взаимодействия частных лиц (будь то физических или юридических) с государством. В

результате таких действий государство должно уменьшать свое присутствие в жизни частных лиц.

Но недостатки системы могут выставляться в качестве минуса либерализму — хотя тормозить его может само государство, к тому же либерализм рассматривается относительно максимальных надежд, а идеалу реальность проигрывает всегда. Обратное, успешное развитие в рамках либеральной модели может быть использовано государством, которое увидит в этом свою заслугу, что в данной рамке абсурдно, но — вовсе не для власти. При этом, разумеется, отсутствует как мера эффективности государства, так и мера либерализма, так что все естественным образом сводится к битве пиаров обеих сторон.

Мало того, не определена и текущая ситуация. То ли речь о том, чтобы улучшать ситуацию, то ли — протестовать против возможного ухудшения. При этом, коль скоро либерализм действует вопреки инерции государства, то первым номером в этой истории работает именно власть. А пересечение с ее компетенцией находится отнюдь не на территории частной жизни. Вопрос: кто может являться собеседником власти в данной ситуации? Никто, по определению. Власть может уменьшить свои претензии только естественным ходом вещей. Разумеется, в зависимости от свобод, допускаемых властью и ее подкормкой нерыночного населения. Власть, очевидно, укрепитя, если будет производить эту подкормку, поясняя ситуацию тем, что рынок развивается плохо. В принципе, нерыночные чувства оно может просто купить. Но что потом? Так и продолжать?

Более того, парадоксальность ситуации будет усиливаться по ходу ее развития: власть должна ощущать, что управление — теряется, причем — чем успешнее идет развитие страны, тем больше управление ускользает. Ну а поскольку у власти изрядно службистов, то есть — лиц, привыкших к деятельности в строго очерченных рамках и куда менее привыкших к рыночным отношениям, то ситуация естественной неполной подконтрольности — должна вызывать у них дискомфорт. Пик которого, похоже, уже близок.

Учтем, тем более, исторические особенности госуправления РФ — власть тут не привыкла работать вторым номером. Помнится, в переписи населения г-н президент обозначил себя «работником по найму», который оказывает «услуги населению». Ну, если бы возможность оказаться в данной позиции его не тревожила, он бы обошелся без эпатажа, более нейтральной формулировкой.

И, совершенно очевидно, что при всем их декларировании либерализма, а также при наличии конкретных выгод от управления бизнесом возникают совершенно неподконтрольные реакции. Эти реакции влекут за собой действия, чьи последствия также не просчитываемы — тот же ЮКОС. Ощущение утраты управления усиливается, отсюда и полное отсутствие вменяемых мессиджей. Причем, все тот же парадокс, утрата управления означает реальный успех в деле либерального реформирования.

То есть, чисто психология: они не могут понять, что потеря управления — это хорошо. Продвижение реформ в либеральной модели объективно ведет к уменьшению роли государства. Чем власть эффективнее, тем ее остается меньше. Очевидно, это должно быть неприятно.

То есть, очевидно, что власть должна сообразить, что кооперировать с обществом выгодно. Но как это им понять в условиях стресса от ощущения ускользающего управления?

Но тут есть вопрос собеседников власти. Скажем, есть проблема модернизации страны, кому ее решать? Но это вопрос не либерализма как такового, а – расширения круга лиц, имеющих отношение к подготовке и принятию решений в целях повышения качества управления.

Проблем много, они разные: развитие страны, обеспечение представленности либералов, гарантии свобод и т.п. Но вовсе не следует, что в каждом отдельном случае решается судьба либерализма как такового. Полагать так можно в публицистических целях, но в реальности это сильно подставит предмет. Отсутствие той же политической представленности – вовсе не поражение либеральной модели. Качество власти – проблема, но никак не судьба либерализма.

Фактически власть находится внутри вполне либеральной матрицы, пусть даже некомфортной для нее. Откуда социальность либерализма во властном исполнении будет состоять в том, чтобы сбросить свою некомфортность вниз: взяв на себя пусть даже фиктивное управление нижележащими субъектами.

Но тут еще один нюанс. Скажем, если открытое общество, либеральное и рыночное по своим возможностям ощущает свою силу, то, очевидно, умиротворение власти является его дополнительной социальной функцией.

Кто-то ведь должен им объяснить, что на самом деле – все происходит согласно законам природы. Проблема в том, что при нынешней коммуникабельности власти объяснить это нельзя. Хотя бы потому, что никому неизвестна мера оценки, употребляемая внутри власти. Да и ее целеполагание.

5. Прагматика ситуации. Мера оценки может быть определена только прецедентно. Но вот физиологическая сторона дела выглядит более внятно. Далее приведены две цитаты из двух – не слишком близких друг к другу авторов – в общем, по одному поводу. Интересно не столько само идеологическое расхождение, сколько схожесть фактур, употребленных в рассуждениях. В сущности, она одна и та же. Внутри нее и происходят все те процессы, которые сейчас происходят.

Первая статья – Максим Соколов. «Когда рвутся чечевичные контракты» (Известия, 15 июля 2004 года):

Вопреки распространенным на этот счет предрассудкам управляемая демократия, весь *raison d'être* которой сводится к поддержанию стабильности, сама очень уязвима – сильнее даже, чем обыкновенная, неуправляемая демократия.

Реально она держится не на терроре (при нем другие механизмы стабильности/нестабильности) и не на одушевляющей идее (какое уж там одушевление, прости, Господи), а на довольно прагматическом общественном договоре, хотя и негласном. Его суть в том, что большинство граждан принимает более или менее существенное ограничение своих прав и свобод в обмен на большее чувство уверенности в завтрашнем дне и скромное, но стабильное благосостояние.

При режиме чечевичной похлебки нет демпфирующей группировки, которую можно выбросить, взамен поставив другую, а требования насчет стабильности, жизнен-

ного уровня etc. составляют суть общественного договора. Когда из-за экономических проблем (хоть объективного, хоть субъективного происхождения) власть не в состоянии дальше откупаться от своих граждан, те не видят смысла в одностороннем соблюдении контракта, т. е. в отказе от прав и свобод, который более не компенсируется, и лояльность к режиму начинает обвально падать. То, что для перестрахованной простой демократии — достаточно редкий случай системного краха, для незастрахованной управляемой демократии есть гарантированное следствие всякой заминки. Обвал мировой системы социализма в конце 80-х — пример порванного контракта. Нечем стало откупаться, а решимости держаться далее средствами прямого террора тоже не было.

Поведение нынешних властей (см. хоть банковский кризис) не вселяет уверенности в том, что по степени осознания крупных рисков управляемой демократии они достигли хотя бы уровня членов Политбюро ЦК КПСС.

Второй текст касается нынешних особенностей этого договора — Игорь Федюкин. «Конец транзитологии», «Газета.Ru», 14 июля, 2004:

Не особенно, кажется, сформулированная, но всеми разделяемая надежда состоит в том, что у нас все-таки две экономики. Одна — это «стратегические» доллароносные отрасли, источник легко снимаемой ренты, которую легко вывести за рубеж или пустить на поддержание административного ресурса. Вторая — это брокерские конторы и автосборочные предприятия, бутики, потребительское кредитование, мега-моллы, ипотека и прочие источники небольших повседневных радостей.

Первая из этих двух экономик завязана на власть и служит объектом постоянного передела, нравы здесь в лучшем случае китайские; похоже, что здесь даже убивают. Вторая — торжество хромированного западничества, перспективный и цивилизованный потребительский рынок, прекрасная новая Россия, в которой хочется жить и работать. Всякому понятно, конечно, что вторая невозможна без первой: не будь трубы — откуда бы еще взялась ежечасно возрастающая покупательная способность населения? Тем не менее, на уровне стилистики контраст между этими двумя экономикami столь велик, что от иллюзии трудно избавиться: ну да, делят трубу — так ведь у нас так и заведено, на то она и труба. Такая вот она, первая экономика, со своими правилами; ну не закроются же теперь по этому поводу супермаркеты.

Весь уклад жизни сейчас построен на предположении, что при любом повороте политических процессов в стране они не затронут консьюмеристскую повседневность с ее обещанием каждоминутного прогресса.

И вот куда тут засунуть проблему либеральной идеологии? Но описывают ли эти тексты всю ситуацию?

6. Угрозы и неизбежность кризиса. Разумеется, главной угрозой для либерализма является не угроза денационализации (это будет означать просто полный отход от либеральной модели), но подмена понятия: «*В российском политическом и экспертном сообществах сложилось свое толкование понятия “социальный либерализм”. Простейшим следует признать сведение его исключительно к усилению роли государства в социально-экономических отношениях*» (см. «Социальный либерализм в России: Утопия или цель?» в этом же номере).

То есть, схема просто выворачивается — государство крышует либерализм. Самое тривиальное последствие — то, что создается впечатление, будто отсутствие либерализма является его социал-либеральным вариантом. Это что до главной угрозы самому термину.

С точки зрения общеполитической все просто. Исходное положение все то же: рынок + собственность + права. В текучке сложнее, но, в общем, понятно, что наездами на либерализм ущемляется и прозрачность социальных взаимоотношений. При этом предположение о том, скажем, что силовики концентрируют худшие черты посттоталитарного рынка, успех на котором зависит от близости к власти, разумно, но надо учесть и то, что такой рынок существует и, значит, вот такой у нас рынок. Силовики во власти тут не делают принципиальной разницы: крышевали они всегда, пусть в других масштабах. Более того — сама коррупция означает прямое участие власти в рыночных отношениях.

Разумеется, угрозой может представляться менеджмент силовиков, имея в виду кризисные последствия для той экономики, управление которой они желают перехватить. Но возможна ли ситуация, описанная в указанном докладе: «*Они пришли для того, чтобы окончательно убедить общество: вся эта система является экономически неэффективной, социально деградационной и, следовательно, бесперспективной – ведущей страну в тупик*»? Маловероятно — потому, что кто будет оценивать удачу? Они или либералы? Либералы уже сразу могут сказать, что это неудача, а силовики никогда с этим не согласятся. Но речь о неэффективности управления государством в обстоятельствах перераспределения активов. Сама система не зависит от того, кто там назначен главным владельцем: силовики менеджерами работать не будут. То есть, и подобные захваты собственности в действительности работают на рынок: вполне либерально разлагая тех же спецслужбистов.

И вот здесь оказывается весьма сомнительным противопоставление силовиков и олигархов. Новые собственники как-то слишком странно доказывают эффективность своего управления, выстроив себе положение в обществе, весьма похожее на гетто (все эти олигархические заповедники, Куршавели, заграничная недвижимость и другие радости). Ссылка на то, что человек имеет право тратить заработанное с демонстрацией этого права, вряд ли является удачным рекламным слоганом для продвижения либерализма в России. Версия, в которой они его воспринимают, несомненно обладает привлекательностью для лиц, склонных к мечтаниям, но для либерализма как такового это странная логика.

Но и силовики не ходят без охраны. А существование под постоянной охраной вряд ли способствует адекватному ощущению действительности. Что же, остальным надо определяться относительно лиц, не имеющих возможность самостоятельно выйти на улицу? На бытовом языке это все называется разводкой, обе стороны стоят друг друга, а к реальности имеют слишком возвышенное отношение. Но при этом отчего-то олицетворяют ситуацию, рекламируя ее, как билборды.

При этом обитатели обоих гетто вполне сосуществуют в рамках некоторого большего гетто. Типы их жизни не слишком отличаются друг друга, обе стороны (власть и крупный бизнес) работают фактически на пару. Особенности силовиков лишь подчеркивают особенности олигархов и наоборот. И, очевидно, никакие это не либеральные брэнды, которые интересны всем. Можно даже сказать, что олигархи исполняют социальный заказ по демистификации представителей власти и ее, как таковой.

Но действительно ли имеет место разочарование людей в либеральных ценностях? Как отличить неудовольствие от обычного ворчания? Притом, что по факту люди продолжают жить в либеральной среде: совмещается ли либеральная риторика с фактическим положением дел?

Наверное, все дело в том, чтобы соответствовать формату. Раскладка «экономика-политика-социум» некорректна, потому что не изоморфна предмету. Коль скоро либерализм, то есть — рынок, то ценности и методики должны быть рыночными. А там все уже известно и изложено скучными, но внятыми словами. Например, таким бесхитростным способом, как в «4D Брэндинг» Томаса Гэда, где все разложено по четырем полочкам (цитируется по Александр Филюрин, «4D Брэндинг» Томаса Гэда: почему не стоит читать эту книгу», creatiff.ru). Вот как у него раскладывается любой брэнд:

1. *Функциональное измерение (касается восприятия полезности продукта или услуги, ассоциируемой с брэндом).*
2. *Социальное измерение (касается способности идентифицировать себя с определенной общественной группой).*
3. *Духовное измерение (восприятие глобальной или локальной ответственности). Сюда можно отнести духовные ценности, разделяемые брэндом и его потребителями.*
4. *Ментальное измерение (способность поддерживать человека). Говоря по-простому — это то, что брэнд дает для личных ощущений потребителя.*

И все становится очень простым. Первое — для экономики. Второе — для выборов. Третье — для личного самоотождествления. Четвертое — искомая социальность либерализма.

В данных рыночных рамках в данный момент фактически борются два брэнда: государственный и частный, — укладываясь, тем самым, в либеральную модель полностью. А на этой территории государство проигрывает. Безусловно, осознание этого факта будет означать пик кризиса.